

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 ФЕВРАЛЯ.

№ 3

1906 ГОДА.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная послѣ молебна въ полночь наканунѣ
1906 года въ Павловскомъ соборѣ.

Привѣтствую всѣхъ собравшихся въ этомъ храмѣ съ наступившимъ новымъ годомъ. Но мнѣ хотѣлось бы привѣтствовать и всѣхъ благословною виною отшедшихъ, и не только гражданъ нашего города, но и гражданъ всего нашего много-страдальнаго отечества.

Люди, встрѣчающіе новолѣтіе по свѣтскому обычаю, привѣтствуютъ другъ друга благожеланіями; но благоденствіе отдѣльныхъ лицъ зависитъ отъ благосостоянія государства,—

слѣдовательно, прежде всего слѣдуетъ выразить искреннія благожеланія всему нашему отечеству.

Словесныя выраженія нашихъ благожеланій могутъ быть безплодны. Зато какъ сильны и плодоносны могутъ быть молитвы къ Богу каждаго о себѣ и всѣхъ о всѣхъ. Пожелаемъ, чтобы каждый христіанинъ усвоилъ себѣ молитву пророка: «испытай, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышленія мои; смотри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный».

Если бы объ этомъ просилъ каждый гражданинъ, то исчезли бы обиды, притѣсненія, обманы, соблазны и вообще преступленія противъ ближнихъ.

Если бы объ этомъ просили судьи, то исчезли бы пристрастные приговоры и восторжествовало бы правосудіе.

Если бы объ этомъ просили настоянники, руководители, пастыри, писатели, общественные дѣятели,—то въ ихъ сердце проникъ бы страхъ за неправильное выполненіе своего долга, за разсѣваемыя ими мысли противорелигіозныя и противогосударственныя.

Если бы объ этомъ просили правители, то у нихъ поменьше было бы самонадѣянности в торопливыхъ овытовъ замѣнить вѣчныя богоучрежденныя начала жизни государственной измышленіями послѣднихъ дней и проектами незрѣлыхъ умовъ.

Въ жизни природы воплощеніе творческихъ законовъ составляетъ основаніе порядка въ жизни и дѣятельности всѣхъ созданій: отъ этого зависитъ дивная гармонія и красота всего видимаго міра.

Такъ и въ жизни души нашей—утвержденіе законовъ нравственныхъ, установленныхъ Божественною премудростію, обезпечиваетъ правильную дѣятельность нашихъ силъ, дол-

жное направленіе нашей свободы и наше общее преуспѣаніе.
(По Амвросію, Арх. Харьк.).

Никогда мы такъ не стремились въ свободѣ, какъ теперь; никогда у насъ столько не говорилось и не дѣлалось на тему объ обновленіи нашей государственной жизни, какъ въ наши дни.

Мы слышимъ кругомъ и сами чувствуемъ, что мы—наканунѣ великихъ событій... Но, къ прискорбію, пока мы видимъ лишь, что отъ многихъ данныхъ и обѣщанныхъ свободъ намъ стало хуже, чѣмъ подъ гнетомъ бюрократическаго режима.

Вмѣсто того, чтобы быть свидѣтелями и участниками обновленія страны по путямъ, указаннымъ сверху,—мы стали свидѣтелями революціи, вызванной путемъ подпольной пропаганды.

Не очевидно ли, что мы не туда пошли въ пониманіи свободы личной и гражданской?

Истинно христіанская свобода развивается и получаетъ свою форму только въ служебной любви и преданности Богу.

Истинный характеръ—это воля, запечатлѣнная духомъ преданности любви и послушанія.

Невѣрующіе хотятъ быть свободными и самостоятельными безъ Бога; вѣрующіе твердо держатся сознанія, что только то существованіе можно назвать дѣйствительно свободнымъ, которое живетъ и дѣйствуетъ въ согласіи съ своей собственной сущностію.

Сущность человѣка—богоподобная.

Стихія человѣческой воли—это Богъ.

А каждое существо можетъ быть самимъ собою только въ своей стихіи. Какъ птица свободна только въ воздухѣ, рыба—въ водѣ,—такъ человѣкъ свободенъ только въ Богѣ.

Кто такъ мыслить, тотъ пойметъ и самъ переживетъ слова Христовы: «Если пребудете въ словѣ моемъ, то вы

истинно мои ученики; и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными».

Ошибаемся мы и въ пониманіи свободы гражданской.

Во всякомъ государственномъ управленіи, какими бы оно ни страдало недостатками, во всякомъ случаѣ каждый отдѣльный человѣкъ долженъ имѣть свою гражданскую добродѣтель, какъ основу свободы. Основа же этой добродѣтели—любовь къ отечеству.

Въ социальномъ отношеніи гражданская свобода обнаруживается въ томъ, что отдѣльный человѣкъ свою честь полагаетъ въ умѣломъ и добросовѣстномъ исполненіи обязанностей того призванія, въ которомъ онъ служитъ не только самому себѣ, но и обществу.

Въ политическомъ отношеніи область гражданской свободы есть повиновеніе власти.

Она проявляется здѣсь какъ повиновеніе законамъ и установленіямъ государства. Для гражданской добродѣтели необходимо держаться принципа—послушанія существующимъ законамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и связаннаго съ этимъ права—*желать лучшаго закона.*

Свободныя формы управленія открываютъ всѣмъ возможность содѣйствовать въ этомъ отношеніи; однакожь отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ могли участвовать въ политической жизни.

Для дѣятельнаго участія въ ней въ дѣйствительности призваны весьма не многіе.

Но общественный духъ и политическое пониманіе должны болѣе и болѣе распространяться во всѣхъ.

Политическія партіи обыкновенно раздѣляются на консервативную и прогрессивную. Государственно-гражданская добродѣтель должна стремиться къ объединенію обѣихъ, причемъ

доннаво противодѣйствуетъ, какъ ложному консерватизму, такъ и ложному прогрессу.

Что худо, того не нужно поддерживать, а заботиться замѣнять его лучшимъ. Но при стремленіи къ реформамъ нужно много обдуманности и терпѣнія, чтобы не усугубить зла и не вырвать вмѣстѣ съ плевелами и пшеницы.

Въ тяжелое время, когда опасность угрожаетъ самому существованію государства отъ враговъ вѣшнихъ или отъ внутреннихъ раздѣленій, политическая добродѣтель проявляется, какъ мужество, которое не даетъ себя преодолѣть злу, а продолжаетъ бороться, предоставляя исходъ въ руки Божіи.

Насильственные перевороты существующаго строя—революція—при всѣхъ обстоятельствахъ—нравственная ненормальность и поэтому предосудительна.

Пассивное сопротивленіе есть нравственно нормальное: почтительное, настойчивое возраженіе, мужественная стойкость и выносливость—вотъ оружія, которыми, быть можетъ, медленно, но вѣрно ведутъ въ своей цѣли.

Но если революціонная самопомощь ведетъ за собою ужасную отвѣтственность для участниковъ ея, то не менѣе тяжелой отвѣтственности подлежатъ и тѣ, кто злоупотребленіемъ своей власти доводятъ народъ до крайности.

Гдѣ революція находитъ себѣ мѣсто, тамъ предъ нашими взорами открывается бездна грѣха, въ которой всплываютъ наверхъ грѣхи сверху и грѣхи снизу и гдѣ несомнѣнно совершается *судъ Божій* надъ грѣхами правителей и надъ грѣхами народа... (Мартенсенъ, еп. Зел. «Христіан. Нравств. Богосл.»).

Пожелаемъ другъ другу не только благъ вѣшнихъ, но главнымъ образомъ преуспѣванія въ вѣрѣ и благочестіи.

Пожелаемъ, чтобы въ нашемъ отечествѣ не оскудѣвала

нравственная сила, сила добродѣтели—этой основы силы вещественной.

Подъ тяжелымъ бременемъ религиозныхъ шатаній и полнаго невѣрія пожелаемъ, чтобы свѣтъ Христова ученія и благодати Божіей озарялъ наше отечество, какъ солнце озаряетъ своимъ свѣтомъ всѣхъ и оживотворяетъ своею теплотою все...

Священникъ *Евгеній Вълзоревъ*.

ОТКРЫТЫЯ ЦИСЬМА.

I.

Кое-что о благочинническихъ съѣздахъ.

Много разъ приходилось участвовать и просто бывать на благочинническихъ съѣздахъ въ разныхъ мѣстахъ нашей епархіи и всегда послѣ съѣзда чувствовалось въ душѣ ощущение какой-то неудовлетворенности. Знаешь, что собрались дѣлать дѣло, а его-то и не выходитъ. Получается бездѣлье, да душевная тоска... Нѣтъ порядка!—Того порядка, при которомъ бы каждому участнику съѣзда была возможность покойно и свободно высказать свои мысли по предложенному для обсужденія вопросу.

Послѣ общаго пѣнія молитвы Святому Духу слѣдуетъ краткое слово предсѣдателя-благочиннаго о причинахъ и цѣли съѣзда. Начало приличное и стройное. Нѣкоторыми членами собранія дѣлается попытка выяснитъ детали даннаго предмета и добросовѣстно разобрать его, но...—Невольнo приходитъ на память басня Брылова о возѣ, въ который впряглись лебедь, ракъ и щука.—Сейчасъ же выступаютъ оппоненты, которые, не давъ высказаться и вполне выразить своего мнѣнія уже говорящимъ, перебивая, горячо протесту-